

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Николай БЛОХИН

«СТЕПЬ».
«ОНА МОЙ ШЕДЕВР»

I

Приняв близко к сердцу совет русского писателя Дмитрия Васильевича Григоровича, автора известных повестей «Деревня» и «Антон Горемыка», «бросить писать писание наскоро и исключительно мелких рассказов», в январе 1888 года Антон Павлович Чехов начал работать над повестью «Степь». К тому времени Чехов был автором сотен рассказов и миниатюр, напечатанных в московских журналах «Будильник», «Зритель», в петербургских еженедельниках «Стрекоза», «Осколки», в «Петербургской газете»...

Обращаясь к Чехову, Григорович в марте 1886 года писал: «У Вас *настоящий талант*, — талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения... Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий. Для этого вот что нужно: уважение к таланту, который дается так редко. Бросьте срочную работу. ...Голодайте лучше, как мы в свое время голодали, поберегите Ваши впечатления для труда обдуманного, отделанного, писанного не в один присест, но писанного в счастливые часы внутреннего настроения. Один такой труд будет во сто раз выше оценен сотни прекрасных рассказов, разбросанных в разное время по газетам; Вы сразу возьмете приз и станете на видную точку в глазах чутких людей и затем всей читающей публики».

Николай Федорович Блохин родился в 1952 году в селе Калюжном Шпаковского района Ставропольского края. Окончил отделение журналистики филологического факультета Ростовского-на-Дону государственного университета. Журналист, редактор, литературовед. Автор трех десятков книг. Печатался в альманахах и журналах «Литературный факел» (Москва), «Великоросъ» (Москва), «Голос Кавказа (Пятигорск)», «Ставропольский хронограф», «Литературное Ставрополье», «Подъем» (Воронеж) и др. Лауреат российских и украинских журналистских премий. Живет в Ставрополе.

Письмо 65-летнего Григоровича, по воспоминаниям современников, потрясло 26-летнего Чехова. Антон Павлович впервые услышал «авторитетную, искреннюю, полную доброжелательства оценку своего творчества». При личном знакомстве Григорович подарил Чехову свою фотографию с надписью: «От старого писателя на память молодому таланту».

Александр Павлович Чехов однажды напишет своему младшему брату Антону Павловичу, что Григорович «умилялся, когда узнал, что ты держишь его портрет на своем столе». Фотография Григоровича, подаренная Чехову, действительно всегда была у него перед глазами, когда он садился за письменный стол. С фотографии на Чехова смотрел пожилой человек, сложивший руки крест-накрест, со светлыми волосами, бакенбардами, большими усами, в темном сюртуке, в сорочке с белым воротником, свободно повязанным галстуком-бантом.

В мае 1886 года редакция журнала «Осколки» издала сборник «Пестрые рассказы» с указанием на титульном листе, что их автором является А. Чехонте (Ан. П. Чехов). На обложке, напечатанной в две краски, указан лишь А. Чехонте. В сборнике, насчитывающем триста семьдесят восемь страниц, опубликовано семьдесят семь наиболее зрелых рассказов Чехова: «Хамелеон», «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Горе», «Тоска», «Мертвое тело», «Егерь», «Устрицы», «Налим», «Злоумышленник», «Хирургия», «Пересолил», «Детвора», «Шведская спичка»... У «Пестрых рассказов» счастливая судьба: при жизни Чехова они переиздавались четырнадцать раз. И принесли молодому автору всероссийскую известность.

Русский писатель Владимир Галактионович Короленко, прочитав «Пестрые рассказы», писал: «Вся книга... сверкала юмором, весельем, часто неподдельным остроумием и необыкновенной сжатостью и силой изображения. А нотки задумчивости, лиризма и особенной, только Чехову свойственной печали, уже прокрадывавшиеся где-то сквозь яркую смешливость, — еще более оттеняли молодое веселье этих действительно «пестрых» рассказов».

Небольшие по объему рассказы, часто в несколько листков почтовой бумаги, они требовали от Чехова, как писал литературовед Евгений Балабанович, «максимальной экономии изобразительных средств».

«Перед Вами, — писал Дмитрий Григорович молодому писателю, — сто гряд, засеянных фиалками; художественная задача в том, чтобы в одном небольшом флаконе сосредоточить фиалковый запах этих ста гряд».

Возможно, Чехов так и остался бы мастером маленького рассказа, если бы не письмо Дмитрия Васильевича, с которого мы начали рассказ. В 1886–1887 годах Антон Павлович продолжал публиковать в российских газетах и журналах свои удивительные по содержанию небольшие рассказы. Редактор и издатель юмористического журнала «Осколки» Николай Александрович Лейкин был на девятнадцать лет старше Чехова. «Приземистый, широкоплечий, тучный человек, более похожий на купца, чем на литератора» — такой портрет Лейкина оставила нам сестра писателя Мария Павловна Чехова. Записал ее рассказ Леонард Гендлин, автор книги «Перебирая старые блокноты». Бывая в Москве, Лейкин непременно заезжал к Чехову на Садово-Кудринскую.

«Это добродушный и безвредный человек, — говорил о нем Чехов, — но буржуа до мозга костей. Он, если приходит куда или говорит что-нибудь, то непременно с задней мыслью. Каждое свое слово он говорит строго обдуманно и каждое Ваше слово, как бы оно ни было случайно сказано, мотает себе на ус в полной уверенности, что ему, Лейкину, это так нужно, иначе книги его не пойдут, враги восторжествуют, друзья покинут...»

Лейкин, как писал Чехов, стал его «крестным батькой». Мастер короткого юмористического рассказа, написавший, по некоторым неполным подсчетам, около семи тысяч

таких рассказов, Лейкин требовал от Чехова таких же коротких, искрометных рассказов. В «Осколках», которые, по определению Антона Павловича, были для него литературной «купелью», за пять лет сотрудничества с этим изданием писатель напечатал более двухсот семидесяти произведений. Автор книги «Из жизни А. П. Чехова. Дом в Кудрине» Евгений Балабанович насчитывает свыше трехсот произведений писателя, опубликованных в «Осколках» в 1882–1887 годах.

В эти годы Чехов перепробовал все: «Писал и повести, и рассказы, и водевили, и передовые, и юмористику... Оборвавшись на повести, я могу приняться за рассказы; если последние плохи, могу ухватиться за водевиль и этак без конца...»

Одновременно это была и пора творческих поисков, время «созревания» таланта. Литературная деятельность подарила Чехову в эти годы, как он сам писал, «немало хороших знакомств». В 80-е годы XIX столетия его дом на Садово-Кудринской посещали писатели Дмитрий Григорович, Владимир Короленко, будущий председатель Союза крестьянских писателей Семен Подъячев, поэты Алексей Плещеев, Лиодор Пальмин, поэт и переводчик Иван Белоусов, «король репортеров» Владимир Гиляровский, будущий знаменитый режиссер, один из основателей Московского Художественного театра Владимир Немирович-Данченко, артисты театра Корша, артисты московского Малого театра Александр Ленский и Александр Южин, автор оригинальных мемуаров «Записки пропадающего человека», букинист Николай Свешников, преподаватель рисования, черчения и чистописания, начинающий писатель Александр Лазарев-Грузинский... Это в письме к Лазареву-Грузинскому однажды Чехов высказал известную мысль: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него».

«То была пора творческого половодья, когда река вдохновения выступала из берегов и несла смелого пловца, минуя мели и пороги», — вспоминал один из наиболее талантливых литераторов «чеховской артели» Иван Леонтьевич Леонтьев-Щеглов, юмористическими рассказами которого «Дачный муж, его похождения, наблюдения и разочарования», «Сквозь дымку смеха», «Военные очерки», «Смех жизни», романом «Гордиев узел» зачитывалась читающая Россия. Спектакли по его пьесам «В горах Кавказа», «Мамаево нашествие», «Женская чепуха», «Господа театралы», «Театральный воробей», «Чудак», «Турусы на колесах», «Гастролерша», «Затерянный мудрец» шли на театральных сценах не только Санкт-Петербурга и Москвы, но и в провинции.

Чехов, отмечали исследователи, упорно и настойчиво искал новые пути в жанре короткого рассказа, стремился к новым, более широким обобщениям. В письмах Чехова 1887–1888 годов хорошо заметен этот перелом в его сознании как художника слова: «Искусство писать состоит собственно не в искусстве писать, а в искусстве... вычеркивать плохо написанное».

17 января 1887 года: «Рад бы вовсе не работать в „Осколках“, так как мне мелочь опротивела. Хочется работать покрупнее, или вовсе не работать».

18 января 1887 года: «В юмористических журналах я почти уже не работаю».

Между 15 и 17 февраля 1888 года: «Едва ли уж я вернусь в газеты! Прощай, прошлое!»

II

Первые упоминания о работе Чехова над новой повестью относятся к январю 1888 года, хотя замысел ее возник гораздо раньше.

«Передайте добрейшему А. Н. Плещееву, что я начал... для „Северного вестника“... степной рассказ», — сообщал Чехов в письме от 1 января 1888 года Ивану Леонтьевичу Леонтьеву-Щеглову.

В письме Владимиру Галактионовичу Короленко от 9 января 1888 года Чехов обронил короткое, но важное замечание, что с его «дружеского совета» он начал небольшую повестушку для «Северного вестника»: «Для почина взялся описать степь, степных людей и то, что я пережил в степи. Тема хорошая, пишется весело, но, к несчастью, от не привычки писать длинно, от страха написать лишнее я впадаю в крайность: каждая страница выходит компактной, как маленький рассказ, картины громоздятся, теснятся и, заслоня друг друга, губят общее впечатление. В результате получается не картина, в которой все частности, как звезды на небе, слились в одно общее, а конспект, сухой перечень впечатлений. Пишущий, например Вы, поймет меня, читатель же соскучится и плюнет».

Своим новым замыслом Чехов поделился с редактором литературного отдела журнала «Северный вестник» Алексеем Николаевичем Плещеевым, с которым познакомился близко в декабре 1887 года в Санкт-Петербурге.

«Робею и боюсь, что моя „Степь“ выйдет незначительной... Откровенно говоря, выжимаю из себя, натужусь и надуваюсь, но все-таки в общем она не удовлетворяет меня, хотя местами и попадают в ней „стихи в прозе“», — писал Чехов 23 января 1888 года Плещееву.

Известный поэт-сатирик, прозаик, журналист Родион Абрамович Менделевич, которого по рекомендации Чехова издатель Лейкин привлек для работы в журнале «Осколки», оставил любопытные воспоминания о встрече с Чеховым и о том, как Антон Павлович работал над повестью: «Как часто мы проводили здесь [в кабинете дома Корнеева] долгие зимние вечера! На рабочем столе Антона Павловича горит лампа под зеленым абажуром, углы кабинета тонут в таинственном полумраке... Писал он [„Степь“] на больших листах писчей бумаги, писал очень медленно, отрываясь часто от работы, меряя большими шагами кабинет. Прихожу как-то вечером к Антону Павловичу, смотрю: на письменном столе лист исписан только наполовину, а сам Антон Павлович, засунув руки в карманы, шагает по кабинету.

— Вот никак не могу схватить картину грозы! Застрял на этом месте!

Через неделю я опять был у него, и опять тот же наполовину исписанный лист на столе.

— Что же, написали грозу? — спрашиваю Антона Павловича.

— Как видите, нет еще. Никак подходящих красок не найду.

И все, кто читал „Степь“, знают теперь, какие „подходящие краски“ нашел Антон Павлович для описания грозы в степи».

Чехов работал над повестью зимой, а описываемые в ней события происходили летом. За окнами чеховского дома на Садово-Кудринской снег, мороз, топился камин, тепло от него шло по всему кабинету, где работал Чехов, а на бумагу ложились картины, от которых «пахнет сеном, высушенной травой и запоздалыми цветами»: «...и вдруг вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полутьму, улыбнулась и засверкала росой»; «Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид»; «Опять тянется выжженная равнина, загорелые холмы, знойное небо, опять носится над землей коршун».

В письме Дмитрию Григоровичу от 12 января 1888 года Чехов так писал об авторском замысле: «...Выходит у меня нечто странное и не в меру оригинальное... Быть может, она [„Степь“] раскроет глаза моим сверстникам и покажет им, какое богатство, какие залежи красоты остаются еще нетронутыми, и как еще не тесно русскому художнику».

Никогда еще стены небольшого кабинета Чехова не раздвигались так широко, как зимой 1888 года. «Описываю я степь, — сообщал писатель Алексею Плещееву в письме от 19 января 1888 года. — Сюжет поэтичный, и если я не сорвусь с того тона, каким начал, то кое-что выйдет у меня „из ряда вон выдающее“».

Чехов не сорвался: ему удалось создать повесть, сплошь состоящую из картин природы, лирических отступлений и образов: «...перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов... едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается...»

Страницы повести звучат как поэтический пейзаж, как поэма радости: «И тогда... во всем, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей».

Читатель видит степь и ранним утром, и в знойный день, и летним вечером, и ночью. Путешественники «N-ской купец Иван Иванович Кузьмичов, бритый, в очках и соломенной шляпе, больше похожий на чиновника, чем на купца, и другой — отец Христофор Сирийский, настоятель N-ской Николаевской церкви, маленький длинноволосый старичок, в сером парусиновом кафтане, в широкополом цилиндре и в шитом, цветном поясе» едут по почтовому тракту в безрессорной, ошарпанной бричке, «на которых ездят теперь на Руси только купеческие приказчики, гуртовщики и небогатые священники». Кроме них и кучера Дениски, «неутомимо стегавшего по паре шустрых гнедых лошадок, в бричке находился еще один пассажир — мальчик лет девяти, с темным от загара и мокрым от слез лицом». Мальчика зовут Егорушка. Он доводится Кузьмичову племянником. Мать Егорушки Ольга Ивановна уговорила брата взять с собой сына, отвезти в город и отдать его в гимназию. Егорушка впервые едет так далеко из дома, ему «душно и уныло», и «видит все одно и то же — небо, равнину, холмы».

Но постепенно и перед ним открывается красота донецкой степи: «Егорушка поднял голову и посоловевшими глазами поглядел вперед себя; лиловая даль, бывшая до сих пор неподвижною, закачалась и вместе с небом понеслась куда-то еще дальше... Она потянула за собой бурю траву, осоку, и Егорушка понесся с необычайною быстротою за убегавшею далью. Какая-то сила бесшумно влекла его куда-то, а за ним вдогонку неслись зной и томительная песня. Егорушка склонил голову и закрыл глаза...»

И чем дальше Егорушка уезжал от дома, тем значимей становится его дорога. Узнав, что Егорушку его родной дядя везет учиться, в гимназию, хозяин постоянного двора Мойсей Мойсеич говорит: «Это Хорошо! Из гимназии выйдешь такой господин, что все мы будем шапку снимать. Ты будешь умный, богатый, с амбицией, а маменька будет радоваться. О, это хорошо!» Отец Христофор рассказывает Егорушке, как «Ломоносов так же вот с рыбаками ехал, однако из него вышел человек на всю Европу». И когда Егорушку спросят: «Ты куда едешь, детка?», ответит коротко: «Учиться». После этого слова все для Егорушки вдруг резко изменилось: «Да и вся местность не походила на вчерашнюю... Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вместо дороги... Своим простором она возбудила в Егорушке недоумение и навела его на сказочные мысли. Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? Непонятно и странно...»

И когда старик с седой бородой, сопровождавший обоз, спросит: «Ты куда же едешь?», ответит еще более уверенно: «Учиться».

Ночью у костра случайный человек, незнакомец с подстреленной им дрофой, попросивший разрешения присесть к огню, рассказывает впервые увиденным им людям о том, как «после Петрова дня оженился. Женатый теперь!.. Нынче восемнадцатый день, как обзаконился». И столько счастья на его лице, в его глазах, в его рассказе о том, как «полюбил, братцы, и очумел... Не сплю, не ем, в голове мысли и такой дурман, что не приведи господи!» Страницы повести, где незнакомец, которому скоро тридцать годов будет, пришел на огонек, чтобы «поведать чужим людям о своем счастье», одни из лучших.

Да разве только эти страницы сияют счастьем!? Алексей Максимович Горький, пришедший в русскую литературу на двадцать два года позже Чехова, справедливо полагал, что «Степь» свою писатель «точно цветным бисером вышил». Со страниц первого номера журнала «Литературная учеба» за 1933 год, обращаясь к молодым литераторам, Горький писал, что есть в нашей литературе «прославленные авторы, которые рисуют словами». И в качестве примера приводил по памяти отрывок из повести Чехова «Степь»: «Ветер со свистом понесся по степи и поднял с травой такой шум, что из-за него не было слышно ни грома, ни скрипа колес. Он дул с черной тучи, неся с собой облака пыли, запах дождя и мокрой земли. Лунный свет затуманился, стал как будто грязнее, звезды еще больше нахмурились, и видно было, как по краю дороги кружились, спешили куда-то назад облака пыли и их тени. Чернота на небе раскрыла рот и дыхла белым огнем, тотчас же снова грохнул гром, черные лохмотья тучи поднимались кверху, одно из них, похожее на мохнатую лапу, потянулось к луне и стерло ее с неба».

Внимательный читатель заметит, что Горький не совсем точен в цитировании. Но удивительно другое: его память хранила в течение многих лет описанное Чеховым природное явление. «...По этой картине, — утверждал Горький, — можно учиться писать: все — ясно, все слова — просты, каждое — на своем месте».

III

Чехов обещал Плещееву окончить повесть в первых числах февраля, не раньше и не позже. И сдержал свое слово. Готовую рукопись повести «Степь» писатель отправил из Москвы в Санкт-Петербург 3 февраля 1888 года.

В письме Плещееву, написанном в тот же день, Чехов попросил: «Похлопочите, чтобы моя „Степь“ вся целиком вошла в один номер, ибо дробить ее невозможно, в чем Вы сами убедитесь по прочтении». Деликатно написал и о гонораре: «Если издательница спросит о цифре гонорара, то скажите ей, что я полагаюсь на ее волю, в глубине же души, грешный человек, мечтаю о двухстах за лист».

В письме Чехова от 4 февраля 1888 года Александру Лазареву-Грузинскому находим строки, где упоминается желание писателя получить за свой труд хорошую оплату: «„Степь“ вчера кончил и отправил в „Северн<ый> вестник“. Вышло у меня, кажется, больше *пяти* печатных листов.

$200 \times 5 = 1000$ руб.

Надо быть очень великим писателем, чтобы в один (1) месяц заработать тысячу рублей. Не правда ли?»

И ниже оправдание, почему он желает получить такой гонорар: «На свою „Степь“ я потратил много соку, энергии и фосфора, писал с напряжением, натужился, выжил из себя и утомился до безобразия. Удалась она или нет, не знаю, но во всяком случае она мой шедевр, лучше сделать не умею...»

Условия о гонораре показались Плещееву невыполнимыми. В письме от 5 февраля 1888 года он писал Чехову, что «столь высокий гонорар отяготит бюджет журнала». 200 рублей за лист «Северный вестник» платил лишь Глебу Успенскому. Рассказы Владимира Короленко оплачивались по 150 рублей за лист. Это был самый высокий гонорар журнала.

Если редакция не примет условие Чехова о гонораре, писал Плещеев, то означает ли это, что он должен в этом случае немедленно вернуть рукопись «Степи». Ответная телеграмма Чехова не обнаружена. Но прочитав «Степь», Плещеев изменил свое мнение о гонораре и 8 февраля 1888 года сообщил Чехову: «Редакция *вся* к Вам от-

носится наилучшим образом и просит Вас без церемоний заявлять Ваше желание насчет гонорара... Если эта цена <200 руб. за лист> кажется Вам недостаточной, просите прямо, что Вы желаете. Я уверен, что Вы в самом скором времени будете получать по 300 р. и что в будущем этим не ограничится». В том же письме Плещеев сообщил, что «*Степь*» отдана в набор, «пойдет вся целиком» (то есть в одном номере) и «завтра высылается аванс в 300 руб.».

Казалось, небольшой конфликт, возникший на начальной стадии переговоров, разрешился сторонами быстро. И все же Чехов посчитал нужным и важным ответить Плещееву. На следующий день, 9 февраля 1888 года, он писал: «О требованиях или непременных условиях с моей стороны не было и речи, — писал Антон Павлович, — а об ультиматуме и подавно. Если я заикнулся в скобках о 200 руб., то потому, что совсем незнаком с толстожурнальными ценами и что цифру 200 не считал слишком большой. Я мерил по нововременской мерке, т. е., оценивая „*Степь*“, старался получить не больше и не меньше того, что платит мне Суворин (15 коп. строка), но и в мыслях у меня не было сочинять ультиматумы. Я всегда беру только то, что мне дают. Даст мне „Северный вестник“ 500 за лист — я возьму, даст 50 — я тоже возьму».

В редакции «Северного вестника», издательницей которого с 1885-го по 1889 год являлась пианистка Антонина Васильевна Сабашникова, родная сестра известных впоследствии издателей Михаила и Сергея Сабашниковых, Плещеев оказался первым читателем повести. Он прочитал ее в рукописи.

«Прочитал я ее с жадностью, — писал Алексей Николаевич Антону Павловичу. — Не мог оторваться, начавши читать. Короленко тоже... Это такая прелесть, такая бездна поэзии, что я ничего другого сказать Вам не могу и никаких замечаний не могу сделать — кроме того, что я в безумном восторге. Это вещь захватывающая, и я предсказываю Вам большую, большую будущность. Что за бесподобные описания природы, что за рельефные, симпатичные фигуры... Этот отец Христофор, Егорушка, все эти возчики: Пантелей, парень, влюбленный в жену, певчий... да и все решительно... Поэты, художники с поэтическим чутьем должны просто с ума сойти. И сколько разбросано тончайших психологических штрихов. — Одним словом, я давно ничего не читал с таким огромным наслаждением».

И все же одну поправку в редакции «Северного вестника» сделали. О ней Чехову написал сотрудник журнала Николай Константинович Михайловский, читавший корректуру.

В письме Чехову от 15 февраля 1888 года он сообщил: «Я дополнил Вашу подпись, — не Ан., а *Антон* Чехов. Есть, говорят, другой Чехов, да и вообще это фамилия не редкая, а Вы — редкий. Прецедент — *Глеб* Успенский». Так «Ан. Чехов» впервые превратился в «Антон Чехов».

Не мог Чехов не поделиться радостью, что окончил большую повесть, и с родными. В письме в Таганрог от 9 февраля 1888 года двоюродному брату Георгию Митрофановичу Чехову содержатся важные детали: «Моя новая повесть будет напечатана в мартовской книжке журнала „Северный вестник“. Повесть большая. Этот журнал получается в обеих клубных библиотеках и, кажется, в городской читальне. Если хочешь, поищи, найди, возьми домой и почитай вслух всем твоим. Главное действующее лицо у меня называется Егорушкой, а действие происходит на юге, недалеко от Таганрога. Повесть еще не напечатана, но уже в Питере наделала немало шуму. Разговоров о ней в столицах будет много. „Северный вестник“ толстый журнал; он выходит книгами».

В тот же день более подробно написал Плещееву: «В 1877 году я в дороге однажды заболел перитонитом (воспалением брюшины) и провел страдальческую ночь на по-

стоялом дворе... Видели ли Вы когда-нибудь большую дорогу? Вот куда бы нам махнуть! Кресты до сих пор целы, но не та уже ширина; по соседству провели чугунку, и по дороге теперь почти некому ездить: мало-помалу порастает травой, а пройдет лет 10, она совсем исчезнет или из гиганта обратится в обыкновенную проезжую дорогу».

К 15 февраля 1888 года «Степь» была набрана в типографии. Редакция напечатала ее полностью в мартовском номере «Северного вестника» за 1888 год тиражом четыре тысячи экземпляров. И сразу привлекла внимание читателей. Среди современников Чехова оказалось немало подлинных ценителей его лирической повести. «Степь» Чехова широко обсуждалась в литературной среде.

«„Степь“ Вашу прочел, — очень нравится; кое с кем из литературной братии ломаю из-за нее копыя», — сообщал российский писатель, автор многочисленных сборников рассказов и повестей Казимир Станиславович Баранцевич в письме Чехову от 8 марта 1888 года.

Трогательное по содержанию письмо от 4 марта 1888 года прислал в те дни Антону Павловичу его старший брат. Рассказывая о том, какое впечатление произвела «Степь» на читающий Петербург, Александр Павлович писал: «Первым прочел Суворин и забыл выпить чашку чаю. При мне Анна Ивановна меняла ее три раза. Увлёкся старичина... Ты самый выдающийся и единственный из современных молодых писателей... Итак, Антоша, пиши большое».

В марте—июле 1888 года про «Степь» Чехова писали практически все известные российские газеты и журналы того времени: «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости», «Русский курьер», «Новости дня», «Еженедельное обозрение», «Русские ведомости», «Неделя», «Вестник Европы».

В письме Чехову от 10 марта 1888 года Плещеев рассказал о впечатлении, какое произвела «Степь» на писателей из его окружения, в частности на Всеволода Гаршина: «Гартяин от нее без ума. Два раза подряд прочел. В одном доме заставили меня вслух прочесть эпизод, где рассказывает историю своей женитьбы мужик, влюбленный в жену. Находятся, впрочем, господа, которые не одобряют... Про одного такого рассказывал Гаршин и глубоко возмущался... потому что это было явно из зависти».

Еще один отзыв Всеволода Гаршина о «Степи» записал русский очеркист, журналист Вячеслав Фаусек: «На него, любителя и поклонника русского юга, пахнуло широким дыханием летней степной природы... Чехов как будто воскресил его».

«Я пришел сообщить тебе замечательную новость... — сказал Всеволод Гаршин журналисту Вячеславу Фаусеку. — В России появился новый первоклассный писатель».